

© 2002 г.

В.А. ЛУКОВ

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В РОССИИ

ЛУКОВ Валерий Андреевич - доктор философских наук, профессор, заместитель ректора по научной работе Московской гуманитарно-социальной академии.

Изучение молодежных субкультур составляет важное направление социологии молодежи. С 60-х годов XX в. к этой проблематике обратились ведущие социологи разных стран мира; в отечественной же социологии анализ молодежных субкультурных феноменов до конца 80-х годов велся в весьма узких рамках. В известной мере это объяснялось тем, что указанные феномены в силу утвердившихся научных парадигм воспринимались как социальная патология, а подобного рода тематика в основном носила закрытый характер и ее разработка не могла вестись по свободному выбору того или иного исследователя или исследовательского коллектива. Сказывалось и то, что субкультуры, свойственные Западу, были мало представлены (по крайней мере на поверхности) в формах социальной и культурной активности молодого поколения.

С конца 80-х годов внимание исследователей к молодежным субкультурам России стало более заметным - как у нас [1, 2, 3, 4], так и за рубежом [5]. Разделы по молодежной субкультуре выделялись в изданиях учебного характера. Так, в учебнике "Социология молодежи" (СПб., 1996) в разделе, написанном З.В. Сикевич, под молодежной субкультурой понимается "культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов" [6, с. 335]. Автор настаивает на том, что молодежная субкультура - характеристика именно целого поколения, что «существует некое субкультурное "ядро", которое присуще в той или иной мере всему молодому поколению» [там же]. Высказанная точка зрения имеет немало сторонников, о чем свидетельствует, например, воспроизведение цитированных положений в другом учебном пособии [7, с. 165].

На наш взгляд, трактовать субкультурные феномены как присущие (хотя бы в смысле их "ядра") всем молодым россиянам - значит стать на путь абстрактных схем. В действительности более плодотворна и реалистична позиция М.Фуко, который настаивал: во имя методологической строгости мы должны уяснить, что можем иметь дело только с *общностью рассеянных событий* [8]. В применении к конкретным обстоятельствам современной России это тем вернее, что привычный для общества западного типа образ молодежной субкультуры здесь довольно слабо представлен - по большей части именно как рассеянные события, общность которых устанавливается исследовательским конструированием реальности. Если исходить из ожидания, что в России молодежные группы формируются как стремление к смене установок (своих и общества) и в поведении отражают тягу к общественному обновлению на основе философского осмысления социальных ценностей и особого образа жизни, то материалы исследований последних лет покажутся обескураживающими: субкультурные феномены в западном смысле едва заметны. Их известность в обществе во многом результат "эффекта Си-Эн-Эн": представления как особо значимых событий и явлений в средствах массовой информации.

Что же предопределяет *российскую специфику* субкультурных образований в молодежной среде, а точнее - их слабую развитость в традиционном для Запада понимании? Три фактора, как нам представляется, здесь играют основную роль.

Первый - социальная и экономическая неустойчивость российского общества на протя-

жении последних полутора десятилетий и обнищание основной части населения. В 2000 г. согласно данным Госкомстата России, молодежь (16-30 лет) составляла в численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума 21,2%, а в своей возрастной группе доля бедных была 27,9% [9, с. 189]. Среди безработных молодежь в возрасте до 29 лет тогда же составила 37,7% [9, с. 146]. Хотя в последующие два года отмечался некоторый экономический подъем, принципиально картина не изменилась. Для значительной части молодежи проблема физического выживания отодвигает на задний план потребности, реализуемые в формах молодежных субкультур.

Второй фактор - особенности социальной мобильности в российском обществе. Каналы восходящей социальной мобильности в 90-е годы претерпели коренные изменения, и молодежь получила возможность достигать престижное социальное положение в очень короткие сроки. Первоначально (в начале десятилетия) это привело к оттоку молодежи из системы образования, особенно высшего и послевузовского: для быстрого успеха (понимаемого как обогащение и достигаемого в основном в сфере торговли и услуг) высокий уровень образования был скорее помехой, чем помощью. Но позже вновь усилилась тяга к получению образования как гаранта личного жизненного успеха. Кроме того, действует фактор уклонения юношей от службы в армии.

Возможность быстро достичь успеха, стать богатым, в действительности слишком часто основанная на криминале, является, тем не менее, основой для социальных установок и ожиданий значительной части российской молодежи. Этим во многом вытесняется идентификация с субкультурными ценностями в западном смысле, поскольку такая идентификация в российских социокультурных условиях противоречит реализации установок на материальное благополучие.

Третий фактор - anomia в российском обществе в дюркгеймовом смысле, т.е. утрата тех нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения приемлемой социальной идентичности. В молодежной среде anomia ведет к парадоксальному сочетанию актуальных оценок и глубинных ценностных предпочтений.

В плане актуальных оценок особенно значимо отношение молодежи к органам государственной власти и высшим должностным лицам. В середине 90-х годов негативные оценки повсеместно преобладали, но и исследования последнего времени фиксируют относительно низкие показатели доверия молодежи к государственным структурам. Позитивный сдвиг наметился в отношении к Президенту России (по мониторингу ВЦИОМ, ноябрь 2001 г., В.В. Путин вызывает доверие у 39,1% респондентов в возрасте до 29 лет [10, с. 65]). Но, во-первых, эта тенденция слишком кратковременна, во-вторых, та или иная оценка Президента не ведет автоматически к повышению доверия к власти в целом или ее отдельным институтам. Важным итогом недоверия к власти является установка большинства молодых россиян, что можно полагаться только на собственные силы.

На фоне социальной anomia широчайшее распространение приобретает *преступность* среди российской молодежи. С 1990 г. по 2000 г. число лиц, совершивших преступления, увеличилось почти в два раза (с 897,3 тыс. до 1741,4 тыс. человек), а в возрастной группе 18—24-летних в 2,5 раз (с 189,5 тыс. до 465,4 тыс. человек). В 2000 г. к лицам, совершившим преступления, были отнесены 932,8 тыс. молодых россиян (14-29 лет) - более половины (53,6%) всех преступников [9, с. 273]. Что это означает для современного состояния молодежной среды в России? Расчет показывает, что число молодых россиян, хотя бы раз совершивших преступление (по установленным фактам), в данный момент составляет примерно 6 млн. человек, или одну пятую часть молодежи в возрасте 14-30 лет.

Эти обстоятельства имеют непосредственное отношение к специфике молодежных субкультур в России. Если попытаться выявить черты, свойственные различным субкультурным образованиям в молодежной среде, то (1) *связь с субкультурами криминала окажется одной из наиболее часто представленных - наряду с (2) влиянием западной молодежной моды, (3) феноменом романтической компенсации повседневной рутины, а также (4) воспроизводством некоторых черт советского прошлого.* Эти четыре характеристики могут выступать как основа типологизации молодежных субкультур в России, и в отборе субкультурных феноменов для описания и анализа мы в основном ориентировались на них.

Криминализация молодежных субкультур. Истоки этого процесса носят общесоциальный характер. Большое число молодых людей осуждены за преступления и отбывают наказание в местах лишения свободы. Общее число осужденных в возрасте до 30 лет в период между 1990 и 2000 гг. составило 5576,3 тыс. человек [9, с. 274]. При суммировании

мы не учитывали рецидивы, но все же ясны масштабы явления. Часть вернувшихся из мест заключения активно участвуют в формировании молодежных групп криминального характера. В середине 90-х годов в России, по официальным данным, насчитывалось более 5 тыс. таких групп [11]. Подобного рода группировки, а в еще большей мере носители тюремного опыта - важные каналы проникновения делинквентных субкультур в молодежную среду, но все же проблема этим не исчерпывается. Масштабы организованной преступности в России таковы, что значительная часть молодежи оказывается прямо или косвенно связанной с криминальными структурами, имеет контакты с ними в сферах бизнеса, политики, развлечений и т.д. Организованная преступность фактически составляет параллельную реальность, и принятые в ее среде социокультурные ориентиры приобретают ценностное значение в молодежной среде. Из этих ориентиров особое значение имеет культ физической силы, ориентация на здоровый образ жизни как одну из высших жизненных ценностей. В наших исследованиях зафиксированы случаи, когда молодые люди добровольно лечатся от наркомании, мотивированные тем, что это обязательное условие их возвращения в преступную группировку.

Сегодня криминализованы многие молодежные сообщества, сформировавшиеся вокруг спортивных комплексов и тренажерных залов, любительских объединений каратэ, кикбоксинга, других видов единоборства, которые в определенных случаях используются криминалом как боевые отряды при "разборках", резерв охраны и телохранителей. В своем большинстве такие объединения имеют легальный фасад спортивной организации, связи с криминалом может быть не известна многим участникам. Субкультурными признаками такого рода групп становятся конкуренция накаченных мышц (искаженная форма бодибилдинга), тренировочный костюм как наиболее приемлемая в любых ситуациях одежда, довольно часто - золотые перстни и другие знаки принадлежности к иерархии преступного мира.

Нередко солидарность криминальной молодежной группы укрепляется совместными действиями по "оздоровлению" общества. В последнее время здесь активно проявляют себя экстремистские праворадикальные группы с более высоким уровнем организации и субкультурной определенности (скинхеды, баркашевы). Осенью 2001 г. особенно большую тревогу общества вызвали погромы в Москве торговцев с Кавказа, где ударной силой стали подростки (возможно, футбольные фанаты, но источник событий находится в право-экстремистской части политического спектра и в уголовном мире).

В настоящее время все больше криминализация молодежных сообществ осуществляется структурами организованной преступности на планомерной основе - как подготовка своего кадрового резерва. Летом 2001 г., например, действовали десятки палаточных лагерей для подростков, созданные преступными группировками в разных регионах России под видом легальных форм юношеского отдыха. Известны факты, когда преступные группировки с той же целью берут шефство над детскими домами.

Влияние западных молодежных субкультурных феноменов. По этому признаку охарактеризовать российские молодежные субкультуры здесь сложно не столько из-за изобилия быстро возникающих и исчезающих форм, сколько из-за того, что в российской среде некоторые из них являются простым заимствованием, в то время как другие могут отражать скорее сходство мотивов действий. В самом деле, российские скинхеды, возникшие как оформленное движение в начале 90-х годов XX века (всплеск их численности относят к периоду после событий сентября-октября 1993 г.), хотя по форме близки к западным аналогам, но порождены прежде всего внутренними проблемами страны. (Рассмотрение скинхедов в рамках субкультурной проблематики упростило бы задачу анализа. Они должны изучаться в более широком социальном контексте как одна из угроз безопасности России, что выходит за пределы данной статьи). В общем, существуют разные дистанции российских субкультурных феноменов от западных образцов. Рассматриваемые ниже субкультурные формы показывают эту разницу: от фактически "наших" футбольных болельщиков, где западное влияние не обозначается большинством участников, до рейверов и хип-хоп культуры, где "нашего" (российского) довольно мало.

Футбольные болельщики. Близкую к криминальным субкультурам группу составляют фанаты (фань) футбольных команд. Сообщества футбольных фанатов - одна из наиболее распространенных форм субкультурной молодежной активности в современной России, имеющая давнее происхождение. Многие формы поддержки команд своими болельщиками сложились еще в 30-е годы, когда футбол был любительским в полном смысле слова и футболисты работали в трудовых коллективах (иначе говоря, в среде своих болельщиков).

Позже, по мере профессионализации футбола в России, возникла современная практика организованных выездов фанатов для поддержки команды на играх в других городах.

Специфика этой субкультурной формы состоит в ситуативности идентификации, что требует от участников минимума усилий и не затрагивает глубоко образ жизни. Опрошенные нами в мае 2000 г. фанаты футбольных команд (37 юношей-москвичей) не знали истории этих спортивных коллективов, им достаточно было актуальных знаний о недавних и предстоящих матчах. Разумеется, сама игра на футбольном поле их вдохновляет, но более значимы (как можно судить из интервью) моменты общей эмоциональной разрядки, возможности "оторваться", проявлять свои чувства в полной мере (орать, буяннить). Порой их действия, как показали события 9 июня 2002 г. в Москве, носят прямо криминальный характер.

Компенсаторное назначение буйства на стадионе и вандализма после матча очевидно. Но субкультурный смысл футбольных фан-сообществ этим, разумеется, не исчерпывается. Молодые болельщики получают возможность в кругу своих сверстников моделировать свое поведение как групповое и в то же время не испытывающее давления основных социально-контрольных инстанций (родители, школа и т.п.).

Футбольные фанаты - сложное по организации сообщество. В среде фанатов московского "Спартака" выделяются, в частности, такие группы, как "Ред-уайт хулигане", "Гладиаторы", "Восточный фронт", "Северный фронт" и др. Группировка, удерживающая контроль над всем сообществом, - "*Правые*". В нее входят в основном молодые люди, отслужившие в армии. "*Правые*" выезжают на все матчи команды, их основная функция - завести стадион, организовывать реакцию болельщиков ("волну" и т.д.), но также и командовать "военными действиями" - битвами с болельщиками враждебных команд и милицией. Выезды в другие города очень часто связаны с драками - нередко уже на вокзальной площади. В целом хулиганствующая масса молодых людей хорошо управляема жокаками (предводителями) из "*Правых*".

В обозначениях "своих" также прослеживается иерархическая организационная структура. Основное средство отличия - шарф ("розетка", "роза"). Обычный шарф выдержан в цветах футбольной команды (у спартаковских фанов - сочетание белого и красного) и может иметь различные надписи (у спартаковских болельщиков, например: "Let's go Spartak Moscow"). Варианты "хулиганского" шарфа содержат оскорбление противника и вызов (например, спартаковский ромб, перекрещенный шпагами, внизу надпись: "Смерть врагам!" и изображение непристойного жеста). Те, кто участвовал в более чем 10 выездах на матчи команды в другие города, вправе носить особый - с индивидуальным номером - шарф, который изготавливается по заказу в Великобритании. Иметь такой шарф - значит, относиться к элите (группе "*Правых*"). Потеря номерного шарфа (обычно в драке, стычке с милицией) влечет за собой потерю права принадлежать к элитной группировке, вернуться в которую возможно после получения выполненного на заказ нового шарфа.

В рамках фановского движения сочетаются разные установки и стили жизни. Группа спартаковских болельщиков "Гладиаторы" руководствуется философией "чистого образа жизни". Физически хорошо развитые (ценности и практика бодибилдинга), ее участники избегают драк, но защищают "маленьких" - самую юную часть фанатов, новичков. В то же время среди фанатов выделяется группа, которую "свои" презрительно называют "Колдырь бой-фронт", - 17-18-летние и старше болельщики-алкоголики ("колдырь" на сленге - пьяница, пьет что попало).

В известном смысле сообщества футбольных фанатов восполняют недостатки социального опыта межгруппового взаимодействия, включая и опыт масштабного противостояния. В последнее время такие сообщества при разных командах все активнее заключают договоры о "ненападении" и совместных действиях против других сообществ (у спартаковских, например, - договор с болельщиками за "коней" - ЦСКА, дружба с малочисленными сообществами "торпедонов" - болельщиков команды "Торпедо", "паровозиками" - болельщиками команды "Локомотив", но враждебные отношения с болельщиками команды "мусоров" - московского "Динамо"). Некоторые стороны общественного движения институционализируются, и, в частности, в официальных фан-клубах при спортивных обществах фаны могут получать именные карточки для покупки билетов на матчи своей команды со скидкой.

*Экологи*сты. В целом экологическое сознание российской молодежи - и после Чернобыля - не настолько развито, чтобы реализовываться в особых жизненных стилях на оригинальной философской основе. Даже среди студенческой молодежи (наиболее культурной и

информированной в молодежной среде), по данным наших исследований, испытывают опасение относительно загрязнения окружающей среды, экологической катастрофы менее четверти опрошенных (19,7%; исследование МГСА "Молодежь-2002", N = 718). Экологически ориентированные группы немногочисленны и в известной мере являются подражанием формам молодежной активности Запада. Акции российского "Гринписа", например, в большей мере демонстративны, чем эффективны.

Некоторые молодежные объединения в своих официальных материалах демонстрируют четкую ориентацию на экологическую проблематику, но в действительности не она составляет основу группообразования. В подобных случаях очевидно использование популярных субкультурных образов для имиджа организованных структур. Но здесь есть и другая сторона: стихийным группам, основанным на каком-либо общем интересе, не слишком принимаемом в обществе, удобнее организовываться при официальных структурах и поддерживать их в той мере, в какой это не мешает реализовывать особое видение мира и соответствующие социальные практики. В ином случае существование некоторых из таких любительских объединений было бы почти невозможным из-за материальных трудностей и правовых препятствий.

Байкеры versus мотоциклисты. Иногда спонтанные формы субкультурной активности соотносят с некоторыми привычными западными стилями по ошибке, в одно целое соединяются разные по природе явления. Такова ситуация в отношении байкерства. В России есть некоторое число байкерских группировок в привычном для Запада смысле. По своему происхождению они - слепок с западных байкеров, но социальная подоплека здесь иная. В России подражать западным байкерам могут преимущественно состоятельные люди. Имея особые мотоциклы (в России - недоступные по цене даже для "среднего класса") и другие культовые знаки байкерства, российские байкеры чаще всего лишь потребители определенного культурного ассортимента. По экспертным оценкам, большинство из них не способны исправить даже простые поломки в мотоцикле, по любому поводу обращаются на станции технического обслуживания.

Иной характер носит связанный с мотоциклом стиль жизни, который начинает распространяться в России. Молодые люди, придерживающиеся его, не имеют какой-либо идейной платформы, идентификация происходит в рамках небольших сообществ, у которых нет знаковой системы и даже самоназвания (пример из наших интервью с 19-летним участником одного из сообществ мотоциклистов: "Как вы сами себя называете?" - "Никак. Мотоциклистами - как еще?" - "Не байкерами?" - "Нет! Только не байкерами!"). Характерно, что одна из черт самоидентификации участников движения - подчеркивание своего отличия от байкеров ("они - тупые, пьянь"). На основе интервью с рядом юношей, участвовавших в июне 2000 г. в ежегодном мотофестивале в Малоярославце (город в Калужской области, в 120 км от Москвы), мы можем констатировать, что организованные для байкеров формы соревнований ("сосиска": задача девушки, сидящей сзади байкера, откусить на ходу подвешенную сосиску; соревнование на звание "мисс мокрая майка" и др.) не привлекают ни мотоциклистов-спортсменов (для которых также организованы собственно спортивные конкурсы), ни той части мотоциклистов, о которых мы говорим. Ежегодный съезд (в прямом смысле - на мотоциклах) нескольких тысяч юношей и девушек (девушки чаще - как сопровождение) из многих российских городов и сел (даже с Дальнего Востока) в Малоярославце показывает, что определенная часть участников мотофестиваля придерживается особого *стиля жизни*. Они обычно сами создают свой мотоцикл: покупают очень дешево старый (обычно в деревне), дополняют его деталями выброшенных на свалку мотоциклов, автомобилей, разного рода промышленных отходов. Такой обновленный, с оригинальным дизайном мотоцикл, не способный развивать слишком большой скорости, стоит примерно в 10 раз меньше, чем продаваемый в магазине. Мы наблюдали работу по переделке мотоциклов в нескольких московских гаражах: юноши на протяжении трех-четырех месяцев собирали их, фактически переселились в гаражи. Некоторые переоборудовали под мастерские свои комнаты в квартирах, и мотоцикл занимает основное место в таких комнатах. Атмосфера в период сборки - рабочая и спокойная, работу не завершают попойки. Образец дизайна, а частью и технической конструкции мотоцикла берется из западных журналов. Когда работа закончена, небольшие группы (дружеские компании) едут, не нарушая правил, вместе. Они не ставят никаких особых целей путешествия - "просто едут".

Это не определившееся еще движение формируется в среде молодых людей из семей с небольшим достатком. Возможность свободно ехать на технике, сделанной своими руками, создает почву для самоутверждения и творческого отношения к жизни. В России мотоцикл

давно стал одним из основных средств передвижения в небольших городах и селах, гораздо более важным и нередко более престижным, чем автомобиль. В этом отношении практика означенного движения мотоциклистов очень давняя, совершенно не байкерская, пока слабо фиксирующая свое символическое пространство, но, несомненно, связанная с особой субъективной конструкцией социальной реальности. (Здесь много параллелей с сообществом владельцев автомобилей-олдтаймеров, как показывает только что завершённое под нашим руководством исследование [12]).

Рейверы. Среди заимствований с Запада в Европейской части России достаточно заметны, в основном благодаря средствам массовой информации, рейверы. "Рейв" (от англ. gave - бредить, бред, бессвязная речь, также: неистовствовать, реветь, выть, бушевать, говорить с энтузиазмом) трактуется в "Словаре современного сленга" Т. Торна как "дикая вечеринка (a wild party), танцы или ситуация отчаянного поведения" [13, p. 421].

Источником жизненных ориентиров рейверов стал *музыкальный стиль*, а если точнее - образцы жизненного стиля наиболее популярных, выступающих в харизматической роли кумиров музыкантов - носителей (создателей) соответствующих социокультурных образцов. Оторвавшись от источника, рейв приобрел интернациональные черты, свойственные и российским последователям из среды молодежи. Российские рейверы в основном заимствуют модель поведения *завсегдатаев ночных клубов*. Соответственно этой модели образ жизни российского рейвера - ночной. В облике рейверов и стилистике поведения реализуется идея отхода человека от природы. Индустриальные ритмы, характерные для музыкального стиля рейверов, - своего рода альтернатива рок-музыке.

В России рейв-культура развивается примерно с 5-летним запаздыванием по отношению

к мировой практике. Такую оценку дают участники действующих в крупных городах рейв-клубов. В Москве входная плата в клуб 20 долларов, напитки продаются по ресторанным ценам, следовательно, в российском варианте это никак не субкультура молодежи рабочих кварталов, каковой она была в Великобритании в период зарождения.

Хип-хоп культура. Среди множества других субкультурных форм, основанных на музыкальных стилях, в России широкий размах получил *рэп* (англ. rap - легкий удар, стук). Манера исполнения ("чтение"), внешний вид исполнителей, их действия идут в рэпе от уличной жизни подростков в негритянских кварталах Америки, на российской почве этот стиль носит подражательный характер и в последнее время все больше входит составной частью в субкультурное полистилистическое образование, получившее название хип-хоп культура. Ее приоритеты, кроме рэпа: брейкданс как форма танца и пластики тела, граффити как вид особого настенного рисунка, экстремальные виды спорта, стритбол (уличный футбол) и т.д. Она достаточно демократична, не теряет прямой связи с "молодежью улицы", хотя очевидно, что ее идентичность поддерживается извне. Таковы проводимые в Москве конкурсы "Культура улицы", платные школы брейкданса (в Москве их по крайней мере восемь), соответствующие сайты в Интернете.

В крупных городах довольно много молодежи в одежде, стилистически связанной с рэпом. Но фанаты рэпа относятся к "крутым парням в широких штанах (а часто просто в узких с карманами)", изображающих из себя рэперов, с презрением. На то обстоятельство, что рэперская одежда встречается достаточно часто в Москве и в некоторых других российских городах, в большей мере влияет экономический фактор: такая одежда продается на оптовых вещевых рынках и относительно недорога. Но, разумеется, определенная часть молодежи вполне сознательно ориентирована на хип-хоп культуру.

Анализ информации о рейверах, рэперах и других молодежных сообществах, основанных на заимствованных стилях жизни, показывает, что в своей сущности такие сообщества (с их корпоративными правилами и образцами поведения, одежды, музыкальных вкусов) - лишь трамплин в институционализированное общество. Они в этом смысле являются некоторым достраиванием социальной реальности для смягчения напряженности при вхождении в общественные структуры [14].

Романтическая компенсация повседневной рутины. В выделении этого признака ряда молодежных субкультур для нас важна не столько мотивация соответствующих действий, сколько выявление фактора, внешнего по отношению к конкретным субкультурным проявлениям. Как и криминализация общества, и западные влияния, романтическая компенсация может быть рассмотрена в данном аспекте. Она выражает особенности и данного времени, и общего для молодежи (в модели европейской цивилизации) стремления к обновлению, приключению, испытанию себя в необычных условиях, поиску смысла жизни и т.д.

"Тяга к опасному" реализуется в различных формах молодежных сообществ и не обязательно имеет криминальный оттенок. Фактически субкультурными образованиями стали группы, объединяемые интересом к экстремальным видам спорта. Некоторые сообщества сформировали довольно развитую идеологию на перекрестке актуальных общественных проблем и практику испытания волевых качеств личности в экстремальных условиях.

Диггеры. К такого рода субкультурным феноменам относятся диггеры - исследователи подземных коммуникаций. Опасности пребывания в подземных ходах, закрытость сообществ диггеров, таинственность мира подземелий, лишенного обыденности, - эти свойства диггерства определяют внутренние мотивы интереса определенной части молодежи к таким формам активности. Здесь есть параллели с профессиональной деятельностью спелеологов, но в меньшей степени, как представляется, - с герильей (без политических мотивов, а лишь по самоощущению участников), военной разведкой (нередко военная форма используется как идентификационный знак), приключениями в стиле Индианы Джонса.

Если в начале 90-х годов активность диггеров отмечалась главным образом в Москве, то к настоящему времени объединения диггеров (обычно - не зарегистрированные официально) существуют во многих городах России (Владивосток, Самара и др.). Они имеют малочисленный состав участников (до нескольких десятков человек) и не стремятся к расширению этого состава. Тяги к афишированию своей деятельности диггеры, как правило, не обнаруживают. Лишь в некоторых группах есть представители средств массовой информации.

Толкинисты. Особняком в молодежных субкультурах России стоят толкинисты. Очевидна их связь с иностранным источником - образами книг *Джона Рональда Руэла Толкиена* "Хоббит", "Властелин колец" и "Сильмариллион", сюжеты которых были положены в основу ролевых игр, породивших своеобразное общественное движение. В то же время в этом движении многое достаточно оригинально, связано с российскими экзистенциальными и мировоззренческими проблемами, с российским менталитетом. Идеи и образы Толкиена скорее стали материалом для конструирования реальности толкинистами, чем законченными социокультурными моделями. Это подтверждается и парадоксальным обстоятельством продвижения на российском кинорынке в 2002 г. фильма компании Wignut Films "Властелин колец", который, тем не менее, не повлек за собой заметных изменений в активности толкинистов.

Основываясь на интервью с рядом участников движения толкинистов, мы можем зафиксировать некоторые его характерные черты. Начало движения относится примерно к 1992 г. Толкинисты появились на физфаке МГУ. Соединение популярных в то время ролевых игр с художественным миром Толкиена дало необходимый материал для социального конструирования и идентификаций. Местами сбора толкинистов в Москве стали "Эгладор" (Нескучный сад, в четверг после 6 вечера, общение шло почти до утра) и Царицыно (встречи были по субботам). На встречи в конце 90-х годов собиралось по несколько сот человек, одетых в экзотические самодельные одежды: "по-эльфийски" (красивые накидки разных цветов поверх доспехов, броши, хайратник и фенечки из бисера или мулине и колокольчики, которые в основном покупали в магазине "Охотник" на Арбате), "по-гномовски" (капошоны, кожаные доспехи или балахоны с надписями "Монавар", "Скорпионе" и т.д.); "гоблины" и другое черное воинство были одеты в основном в косухи и в козаки. Фенечки, колокольчики не снимались, и толкинисты узнавали друг друга в любой обстановке. Один из лозунгов: "Тусоваться всегда, тусоваться везде, даже на суше, даже в воде".

Участники встреч имели экзотическое самодельное вооружение для ведения боев. Бои - основное занятие, они шли постоянно в течение вечера по всей территории, часто - стенка на стенку (бои на мечях). В ходе встреч дрались на деревянных мечях, сделанных из клюшек или из лыж. Кистени делались из лыжных палок, карнизов от занавесок, каких-то палок и т.д. Были и доспехи - поначалу из картона, дерева, железа (кастрюльки, крышки от сковороды), позже - специально изготовленные.

При встрече все общались и вели себя соответственно героям Толкиена, с которыми себя идентифицировали. Ставили пиво или сигареты на выигрыш в боях. Очень много курили. Наркотики, по всей видимости, принимать было не принято.

Новых приводит кто-нибудь из "ветеранов", он обычно и становится "родственником". Каждый, кто приходит, берет себе имя, заимствованное у Толкиена, сочиняет историю своей жизни. Девушки вначале обычно эльфийки. История увязана с историей "родст-

венника", потом она может измениться, когда появятся "мать", "отец". Этикет общения - ориентированный на "аристократический" ("Что вам угодно, милостивый государь?"). Все объединены в семьи (мамы, братья и сестры), проводятся "свадьбы", где жрец, орудуя мечом как крестом, произносит перед "новобрачными" ритуальную фразу: "Я венчаю вас во имя водки, пива и спиртного духа". На венчание испрашивается согласие "родителей", надо пригласить всю "семью". Когда "жених" целует "невесту" - вслух ведется счет, и сколько насчитывают, столько бутылок пива надо поставить собравшимся в случае "развода" ("Поэтому развод невыгодное дело").

В последнее время толкинисты с большим стажем ("старики") уже не ходят на "Эгладор" ("там гниль, новенькие"). Важными организационными формами движения стали "кабинетки" - *ролевые игры*, проводящиеся небольшим числом участников в квартире одного из них, а также выездные игры, которые проводятся по предварительно разработанному сценарию (обычно по мотивам одной из книг Толкиена) нередко в лесу, с ночевками в палатках. У игр есть рейтинг, на хорошие можно попасть по личному приглашению. Организация ролевых игр все более четко регламентируется и планируется. Так, в Нижнем Новгороде действует Клуб Ролевых Игр (КРИНН), в рамках которого проводятся конференции "мастеров" региона для координации их действий на следующий игровой сезон и составления графика игр.

Проблема общения - одна из актуальных для молодежи, и ролевые игры оказываются важным средством технологической подготовки к более эффективному общению в молодежной среде. Проблема идеала накладывается на проблему общения в аномичном обществе, и фантазии Толкиена оказываются большей реальностью, чем мир российской социальной действительности. В одном из интервью (девушка 19 лет, активная участница встреч толкинистов до 1999 г.) есть выразительное представление такого соединения реальности и иллюзии: "Я по телефону обсуждала сюжеты из "Сильмариллион" Толкиена, всю ночь говорили о стихах, рыдали над их трагическим звучанием".

На этом фоне в ролевые игры все более активно внедряются мистические идеи, что связано с увлечением некоторой частью участников ролевых игр книгами Н. Перумова, М. Семеновой, А. Сапковского и других российских пропагандистов оккультизма и неоязычества. Такие увлечения закрепляются сценариями некоторых игр. Например, в одной из них ("Древняя Русь-97") от каждого участника требовалось принести жертву идолу языческого бога Перуна. В других играх прослеживались связи с сатанинскими ритуалами: "черная месса" на "животе обнаженной эльфийки" и т.д.

В целом мифологизация в рамках данного неформального объединения выстроена по конфигурации романтизированного и более яркого мира, чем тот, который окружает молодых россиян. Характерно, что формами общения являются различного рода дискурсы. Обращает на себя внимание и "семейная" организация толкинистского сообщества. Нам известны факты, когда ролевые браки становились позже реальными. Вообще утеря ясной грани между реальностью и вымыслом оказалась способом компенсации аномии и разрушения идеалов советского времени. Вполне серьезно участники толкинистских встреч видят себя спасателями мира (в одной из наших записей: "Дома маме я говорила: как ты не понимаешь, мы же совершаем подвиги, мы же спасаем мир!").

В конечном счете в толкинистском движении как-то сказалась ментальность россиян, ранее реализовавшаяся в таких формах, как тимуровское движение. Литературные образы Аркадия Гайдара определяли лицо общественного движения детей и подростков в СССР на протяжении десятилетий. Тимуровские отряды создавались повсеместно, в их деятельности соединялась общественная польза и романтическое отношение к жизни. На фоне дискредитации образов советской юношеской литературы, дававшей образцы для поведения молодому человеку в определенной нормативно-ценностной системе, в том числе в прямой форме ролевых игр, как это было в книгах Гайдара, мифологизации Толкиена оказались востребованными, поскольку повторяли близкую конструкцию - вполне завершенную и идейно освященную, легко воспроизводимую в ролевом поведении.

Воспроизводство некоторых черт советского прошлого. Перенос в молодежную среду моделей поведения и организации жизненного пространства из советской эпохи носит субкультурный характер главным образом в крупных городах (сохранение соответствующих черт как свидетельство медленного развития культурных форм в российской провинции вряд ли следует трактовать в субкультурном аспекте). Следы такого переноса обнаруживаются в организациях, сохраняющих связь с пионерией, комсомолом, компартией в их прошлых формах. Такого рода феномены удалось обнаружить в проведенном под нашим

руководством исследовании прокоммунистических ориентаций современной российской молодежи. Было установлено, в частности, что среда молодых коммунистов обладает чертами социокультурной общности, близкой по своим показателям к субкультурному феномену [15]. Объединительным мотивом чаще является не политический выбор, а стремление к общению и преодоление обыденной рутины.

Подведем некоторые *итоги*.

1. Субкультурные феномены легко поддаются описанию, но их классификация и типологизация затруднены многообразием несводимых в систему признаков. Методологически важно видеть, что какой-то стройной классификации субкультур создавать нет смысла. Упорядочение фиксируемых данных скорее всего возможно в рамках каждого из отдельных фрагментов субкультурной мозаики.

2. Молодежные субкультуры в России несут на себе воздействие криминализации общества, западной культурной экспансии, тяги к преодолению рутины повседневности, "родимых пятен" советской эпохи. Эти воздействия переплетаются, они в разной мере присущи тем или иным субкультурным феноменам. Главное же состоит в том, что субкультурная специфика не свойственна молодому поколению россиян как таковому, это мозаика социокультурных образований, фрагментарно рассеянная в молодежной среде.

3. Некоторые из молодежных субкультур могут создавать платформу для развития негативных тенденций в молодежной среде (проблемы наркотизма, насилия и т.д.), другие скорее имеют позитивное общественное значение (экология и т.д.). Во всех случаях важно, что через субкультурные формы для определенной части молодежи лежит путь к освоению социальности.

4. Анализ ряда субкультурных феноменов в современной России свидетельствует, что в российской социальной практике появляются те стороны общинного взаимодействия молодежи, которые в советское время реализовывались в деятельности комсомола. Утрата этого института социализации по соображениям политического характера не была восполнена на уровне обыденности, что вызывает определенную неудовлетворенность и поиск новых форм коллективности. Это обстоятельство следует учитывать при рассмотрении вопроса о молодежных субкультурных феноменах в современной России. С такой точки зрения яснее станет характер организованных структур в российском молодежном движении. Собственно, это и позволяет более широко представить субкультуры молодежи в России в их специфике, генезисе и возможном влиянии на стили жизни в ближайшие десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон. М., 1989.
2. Сикевич З.В. Молодежная культура: за и против. Л., 1990.
3. Суртаев В.Я. Молодежная культура. СПб., 1999.
4. Щепанская Т.Е. Символика молодежной субкультуры: опыт исследования системы. СПб., 1993.
5. Pilkington H. Russia's Youth and its Culture. A Nation's Constructors and Constructed. L. Routledge, 1994.
6. Социология молодежи. Учебник / Отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996.
7. Волков Ю.Г., Добренчиков В.И., Кадария Ф.Д. и др. Социология молодежи. Учеб. пособие. Ростов н/Д, 2001.
8. Foucault M. L'archeologie du savoir. Paris, Gallimard, 1969.
9. Российский статистический ежегодник 2001. М.: Госкомстат России, 2001.
10. Информация: результаты опросов // Мониторинг общественного мнения: Эконом. и социальн. перемены. 2002. № 1.
11. Положение молодежи в Российской Федерации: 1995 год. Доклад Правительству Российской Федерации / В.А. Луков (отв. ред.). М., 1996.
12. Русаков М.Ю. Владельцы автомобилей-олдтаймеров как социальная общность: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 2002.
13. Thorne T. Dictionary of Moderne Slang. N.Y., 1996.
14. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М., 1999.
15. Михайлов М.А. Прокоммунистические ориентации молодежи современной России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 1999.